

Раздел 3. РЕЦЕНЗИИ

7

Великая дивергенция и Великая конвергенция в глобальной перспективе

Рецензия на книгу Л. Гринина и А. Коротаева 'Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective'. Springer International Publishing, 2015

Дж. А. Голдстоун

Со времен изобретения человеком железных орудий труда и появления сельского хозяйства в каменном веке ни одно другое событие в истории человечества не оказывало такого большого влияния, как промышленная революция XVIII и XIX вв. В этот период европейцы в несколько раз увеличили потребление энергии ископаемого топлива, стали использовать горючие ископаемые для получения движущей силы и тепла, а также разработали множество высокоэффективных производственных процессов и новые виды транспорта, что также отразилось на развитии военной сферы. В результате европейские страны, которые до этого были «слаборазвитыми» и в основном торговали сырьем и драгоценными металлами в обмен на промышленные и сельскохозяйственные товары из «развитого» Азиатского мира (хлопок и шелк; керамика и лакированные изделия, древесина тропических деревьев; кофе, чай, индиго, орехи и специи) и имели ограниченное право торговли в Индии, Китае и Японии, превратились в мировой центр производства экспортной продукции, обладающий военным господством и способный диктовать условия торговли азиатским государствам.

Говоря кратко, итогом этого процесса в последние два столетия было «восхождение Запада», объяснение которого было одной из центральных проблем общественных наук. Традиционное представление со времен К. Маркса и М. Вебера, дополненное учеными XX в., такими как У. Макнилл (McNeil 1963; 1990) и Д. Лэндис (Landes 1998), заключалось в том, что начиная со Средневековья Европа была уникальным созидательным обществом, которое значительно продвинулось в сельском хозяйстве, системе учета, использовании энергии ветра и воды, ремесле; в то время как

Кондратьевские волны: циклическая динамика 2016 241–246

азиатские общества, достигнув в средневековый период пика своего развития, просто поддерживали себя в 'замороженном' состоянии или даже приходили в упадок. Средневековые общества Аббасидского халифата и Китая в период Сун имели более высокий уровень производительности и развития технологий, чем в Европе, однако в последующие столетия рост уровня производительности и технологий в Европе привели в XIX в. к мировому господству европейских стран.

Тем не менее за последние два десятилетия группа ученых в области сравнительной социологии и глобалистики во главе с учеными Калифорнийской школы глобальных исследований (Goldstone 1991; 2002; 2008a; 2008b; Pomeranz 2000; 2002; Wong 1997; Frank 1998; Marks 2002; Vries 2003; 2010) представили диаметрально противоположную модель. В рамках этого контрнарратива внимание было сконцентрировано на жизнеспособных сельскохозяйственных и производственных технологиях Азии и на том факте, что Индия и Китай оставались доминирующими мировыми производственными державами до конца XVII в. Об этом свидетельствует довольно высокий уровень жизни азиатского сельского населения в сравнении с Европой вплоть до 1800-х гг. И это наглядно показывает, что до конца 1700-х гг. азиатские купцы и пираты были равны или же в некоторой степени превосходили в благосостоянии и военном мастерстве европейские торговые компании. В рамках этого подхода господствующее положение Европы появилось довольно стремительно и рассматривалось не как долгий подъем, а как произошедшая приблизительно в 1750 г. внезапная Великая дивергенция примерно с одинакового уровня производительности и материального благополучия, которая спустя столетие привела к установлению европейского господства.

И традиционное представление, и взгляд ученых Калифорнийской школы вызывают подобного рода вопросы: что помогло Европе примерно в 1850-х гг. достичь явного превосходства в благосостоянии и мощи; насколько долго продлится это превосходство или оно исчезнет так же быстро, как и возникло? Впрочем, ответы будут разными. Традиционный подход объясняет долговременный подъем глубокими и устойчивыми особенностями развития европейских обществ – их религиозным плюрализмом и неортодоксальностью (особенно пуританство и кальвинизм), влиянием наследия греческой демократии и науки, Римского права, конкурентоспособной многонациональной государственной системой, охраняемыми правами на собственность и отчетами на высшем уровне о прибыли и убытках, более усовершенствованными системами кредитования, гораздо более высоким уровнем заработной платы городских работников и длительным опытом транснациональной и трансконтинентальной торговли. Естественным следствием всех этих факторов стало военное превосходство и растущая ускоренными темпами производительность. Тем

не менее потребовалось много веков для прочного установления современной модели промышленного экономического роста, закрепленного в уникальных институтах культуры, характерных именно для европейского общества, в то время как неевропейским обществам потребовалось бы очень много времени, чтобы приблизиться к западному уровню дохода и производительности (если это вообще возможно).

Приверженцы Калифорнийской школы придерживаются противоположной точки зрения. Они считают, что поскольку дивергенция началась относительно поздно, но развивалась стремительными темпами, она несколько случайным образом породила следующие преимущества: возможность производства в американских колониях больших объемов дешевого хлопка для европейской промышленности; использование богатых запасов угля Англии в качестве топлива для поршневых и роторных двигателей; неожиданные открытия британских металлургов и механиков в области двигателей с механическим регулятором и производственных технологий в XVIII в.; и все это на фоне внутренних конфликтов, подрывавших эффективность китайского, османского и индийского сельского хозяйства, ремесленного производства и управления, усиленного европейской военной агрессией. Поскольку скачок европейского господства произошел в короткие сроки и основывался главным образом на недавних приобретениях и открытиях, а не на долговременных уникальных характеристиках, для многих представителей Калифорнийской школы были все основания полагать, что неевропейские страны быстро наверстают упущенное. Успех Японии и Южной Кореи в достижении западного уровня развития технологии и жизни и недавние более высокие темпы развития Китая и Индии по сравнению с западными странами позволяют считать, что эта точка зрения более точно описывает современную модель развития событий.

В последнее десятилетие споры между сторонниками традиционного подхода и Калифорнийской школы не утихали, и каждая сторона приводила все больше фактов и дополнительных доводов в поддержку своей правоты. Но ни один из подходов не выиграл спор – вместо этого теперь стали понятны слабые места обеих позиций. С одной стороны, оказались необоснованными предположения сторонников традиционного подхода о том, что уже в XVI в. или даже ранее Европа была на порядок выше в развитии военной технологии, торговли и научных достижений (Agoston 2008; Andrade 2015; Rager, Feldhay 2015). С другой стороны, многие из предположений сторонников Калифорнийской школы, особенно касательно того, что еще в 1800-х гг. в наиболее развитых областях Китая доходы на душу населения были сравнимы с доходами наиболее развитых стран Европы, также были подвергнуты сомнению (Allen *et al.* 2011; Li, van Zanden 2012). В результате период с 1500 по 1800 г. можно считать ключевым, хотя наши представления об этой эпохе остаются смутными. Из многих особенностей и обстоятельств, которые отличали европейские

общества от азиатских на протяжении этих веков, какие именно оказались особенно важными для дальнейшего формирования европейского господства после 1800-х гг.?

Л. Гринин и А. Коротаев вносят ясность и порядок в эту неразбериху. Они рассматривают период с 1450-х по 1830-е гг. как продолжительный период инноваций и роста производительности в Европе, начинавшийся с относительно низкого уровня изобретательной активности и развития технологий, прошедший ряд фаз развития, последняя из которых (с 1760-х по 1830-е гг.), являющаяся частью «классической» промышленной революции, была лишь заключительной фазой длительного процесса. Эти фазы начались с «подготовительного» периода – с 1100-х по 1450-е гг., когда развитие свободных трудовых и капиталистических отношений подготовило почву для начала погони за прибылью и дальнейшего экономического развития, апогеем которого стали производство предметов роскоши в Венеции, развитие торговли и бухгалтерского дела, а также прорывы в области науки и искусства в эпоху Ренессанса.

Затем «долгий XVI в.» – с конца XV до начала XVII в. – прославился выдающимися достижениями в морской навигации, машиностроении, развитии ветряных мельниц и водной энергии и способствовал развитию эффективного производства сельскохозяйственной продукции; здесь лидировали Португалия, Испания, Германия и Нидерланды. Это была также эпоха великих открытий и первых прорывов в европейской науке и в области создания механической модели природы. Следующая за этим периодом фаза начинается в XVII в. и продолжается до третьей четверти XVIII в., она отмечена прогрессом Великобритании и особенно Нидерландов. Этот период ознаменовал собой консолидацию конституционной монархии Великобритании и олигархического республиканского правления в Нидерландах, развитие механизации, рыболовства, складского дела и целого комплекса промышленных центров, а также способствовал росту мировых торговых компаний и прогресса в военной сфере, особенно это касается морских сражений. Все эти события подготовили почву для наступления заключительной фазы промышленной революции, в ходе которой использовались ископаемые виды топлива и механизмы на водной энергии и были сделаны важные шаги в области химии и транспорта.

Этот новый подход, тщательно описанный и четко сформулированный Л. Е. Грининым и А. В. Коротаевым, предлагает более богатую и детальную модель Великой дивергенции, во многом объединяющую традиционную и калифорнийскую теории. И все же авторы идут еще дальше. Выстраивая модель с привлечением человеческого капитала (образования), роста мирового населения и региональной производительности, они показывают, каким образом Великая дивергенция и недавняя Великая конвергенция («наверстывание» экономиками развивающихся стран) яв-

ляются фазами одного и того же процесса глобальной модернизации. Они объясняют, что, однажды начавшись, Великая дивергенция неизбежно приводит к последующей конвергенции посредством глобализации мировой экономики. Кроме того, они дают объяснение определенному региональному отставанию и вариациям в этом процессе. Это важное достижение и главное преимущество в спорах по проблемам долгосрочной траектории глобального экономического развития. Российская школа глобальных исторических исследований на протяжении долгого времени вносит существенный вклад в описание и объяснение важнейших моделей долгосрочного развития мировой истории (Turchin, Korotayev 2006; Turchin, Nefedov 2009; Korotayev *et al.* 2006a; 2006b; Korotayev, Tsirel 2010; Grinin 2007; 2011; 2012; Grinin, Korotayev 2006). Мы с удовольствием представляем широкой аудитории эту последнюю работу и можем рекомендовать ее тем, кто интересуется полемикой касательно проблем развития западной экономики и Великой дивергенции, а также тем, кто размышляет о будущем глобальном неравенстве и развитии.

Библиография

- Agoston G. 2008.** *Guns for the Sultan: Military Power and the Weapons Industry in the Ottoman Empire.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Allen R. C., Bassino J.-P., Ma D., Moll-Murata C., van Zanden J. L. 2011.** Wages, Prices, and Living Standards in China, Japan, and Europe, 1738–1925. *Economic History Review* 64: 8–38.
- Andrade T. 2015.** *The Gunpowder Age: China, Military Innovation, and the Rise of the West in World History.* Princeton: Princeton University Press.
- Frank A. G. 1998.** *ReOrient: Global Economy in the Asian Age.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World.* Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. A. 2002.** Efflorescences and Economic Growth in World History: Rethinking the ‘Rise of the West’ and the British Industrial Revolution. *Journal of World History* 13: 323–389.
- Goldstone J. A. 2008a.** Capitalist Origins, the Advent of Modernity, and Coherent Explanation: A Response to Joseph M. Bryant. *Canadian Journal of Sociology / Cahiers Canadiens de Sociologie* 33(1): 119–133.
- Goldstone J. A. 2008b.** *Why Europe? The Rise of the West in Global History, 1500–1850.* New York: McGraw-Hill.
- Grinin L. E. 2007.** Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-Mathematical Approach. *Social Evolution and History* 6(2): 75–120.
- Grinin L. E. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society.* Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

- Grinin L. E. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2006.** Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis. *History and Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies* / Ed. by P. Turchin, L. Grinin, V. de Munck, A. Korotayev, pp. 63–114. Moscow: KomKniga.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006a.** *Introduction to Social Macrodynamics: Compact Macromodels of the World System Growth*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Malkov A., Khaltourina D. 2006b.** *Introduction to Social Macrodynamics: Secular Cycles and Millennial Trends*. Moscow: KomKniga/URSS.
- Korotayev A., Tsirel S. 2010.** A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis. *Structure and Dynamics* 4(1): 3–57. URL: <http://www.escholar-ship.org/uc/item/9jv108xp>.
- Landes D. 1998.** *The Wealth and Poverty of Nations*. New York: Norton.
- Li B., van Zanden J. L. 2012.** Before the Great Divergence? Comparing the Yangzi Delta and the Netherlands at the Beginning of the Nineteenth Century. *The Journal of Economic History* 72: 956–989.
- Marks R. B. 2002.** *The Origins of the Modern World. A Global and Ecological Narrative*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield.
- McNeill H. W. 1963.** *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- McNeil W. H. 1990.** The Rise of the West after Twenty-Five Years. *Journal of World History* 1(1): 1–21.
- Pomeranz K. 2000.** *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pomeranz K. 2002.** Beyond the East-West Binary: Resituating Development Paths in the Eighteenth-Century World. *Journal of Asian Studies* 61(2): 539–590.
- Ragep F. J., Feldhay R. (Eds.) 2015.** *Before Copernicus: The Cultures and Contexts of Scientific Learning in the Fifteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Turchin P., Korotayev A. 2006.** Population Density and Warfare: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 5(2): 121–158.
- Turchin P., Nefedov S. 2009.** *Secular Cycles*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Vries P. 2003.** *Via Peking Back to Manchester. Britain, the Industrial Revolution, and China*. Leiden: Brill.
- Vries P. 2010.** The California School and Beyond: How to Study the Great Divergence. *History Compass* 8: 730–751.
- Wong R. B. 1997.** *China Transformed: Historical Change and the Limits of the European Experience*. Ithaca, NY: Cornell University Press.